

На правах рукописи

Бочарова Марина Юрьевна

**ОБРАЗЫ ВЛАСТИ НА ПОЧТОВЫХ ОТКРЫТКАХ ЯПОНИИ
КОНЦА ПЕРИОДА МЭЙДЗИ**

Специальность 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства

Автореферат диссертации

на соискание ученой степени кандидата культурологии

Москва – 2024

Работа выполнена на кафедре истории и теории культуры факультета культурологии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

Научный руководитель: **Яценко Сергей Александрович**, доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Палагута Илья Владимирович**, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой искусствоведения Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л.Штиглица (СПГХПА)

Борисова Анастасия Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета (ИСАА МГУ)

Ведущая организация: Центр восточноазиатских исследований Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ)

Защита состоится «23» декабря 2024 года в 16.00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.366.09 на базе ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6.

С текстом диссертации можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного гуманитарного университета и на официальном сайте РГГУ по адресу: <https://www.rsuh.ru/dissovet/24-2-366-09-po-kulturologii-istoricheskim-naukam/bocharova-marina-yurevna.php>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2024 года

Ученый секретарь

диссертационного совета

Ирина Николаевна Захарченко

кандидат исторических наук, доцент

Введение

Японская открытка стала одним из новых медиа, появившихся в период Мэйдзи (1868-1912) и занявших важное место в коммуникативном пространстве Японии. В этот период страна смогла выйти на международную политическую арену, а масштабные реформы внутри страны были направлены на создание развитой индустриальной и военной державы. Наряду с газетами и журналами открытка становится способом репрезентировать *образы власти*, следовательно, транслировать идеи правящей верхушки обществу, способствовать их распространению и усвоению.

Японская открытка в силу особых практик использования рассматривается в диссертации в контексте коммуникации между властью и обществом. Из большой серии открыток нас интересуют так называемые политические, т.е. открытки, в иллюстрациях которых проявляются явные образы власти. К ним относятся портреты государственной элиты, изображения официальной символики и сюжеты, прямо или косвенно связанные с общественно-политическими событиями.

В диссертации изучается конец эпохи Мэйдзи (1901-1912 гг.). В эти годы резко увеличивается доля политических открыток, поскольку образы власти приобретают особую актуальность в культурном поле.

Актуальность исследования. Изучение образов власти на открытках трактуется как один из аспектов исследования культурной коммуникации. В конце эпохи Мэйдзи значение открыток в коммуникативном поле Японии возросло. Открытка, с одной стороны которой адресат писал свои поздравления и пожелания, с другой была носителем общекультурной и политической информации, в том числе связанной с репрезентацией образов власти. Она транслировала идеи коллективной идентификации, сохранения и переопределения памяти о прошлом. Открытки демонстрировали зрителю

официальные портреты императора и его окружения как новую в визуальной культуре Японии систему ценностей. Открытка стала одной из многочисленных иностранных новинок и была быстро воспринята обществом. В Японии существует давняя традиция личной переписки со сложным оформлением, и открытки легко встроились в привычную повседневную практику межличностного общения. Их дарили на праздники, привозили как сувенир, продавали в магазинах, они становились предметами личной коллекции.

В 1900 году снимается цензура на изображение и распространение официального портрета императора, что ускоряет и усложняет процесс организации новых типов взаимодействия между властью и обществом. Власть выстраивает коммуникацию посредством конструирования новых визуальных образов в печатной продукции. В системе координат культуры они опознаются как политические, во многом милитаристские. Выявление способов репрезентации власти и поиск значений языка их визуализации видятся важными для понимания японской культуры этой переломной эпохи.

Степень изученности темы

Иллюстрированная открытка длительное время оказывалась «тихим» артефактом, незаметным среди других печатных источников (книжные издания, газеты, фотографии и т.д.). Она привлекала внимание в основном коллекционеров-филокартистов и описывалась в специализированных изданиях, каталогах и любительских статьях. Первая научная работа по открыткам, причем в контексте пропаганды, написана американским историком Д. Фрезером в 1980 г.; заметное количество исследований появляется только в 2000-е годы. Ученые обычно рассматривают открытку в статьях или среди прочих печатных источников в монографиях. Крупных работ по открыткам написано немного, как правило, с этой темой работают специалисты по историческим дисциплинам.

В современных исследованиях комплексная проблематика образов власти на открытках Японии в контексте культуры начала изучаться сравнительно недавно. Среди японских ученых можно выделить работы К. Сато, который подходит к открытке в контексте социальной коммуникации как части культуры повседневности Японии. Ю. Ван (2023) анализирует особенности конструирования образов в японских открытках в начале XX в. Среди японских исследований наиболее близок труд Т. Фудзитани «Splendid Monarchy: Power and Pageantry in Modern Japan» (1998). Диссертантом также привлекались работы П. О'Коннор и М. Кохен, А.Элита по туристическим открыткам, исследование Дж.Карлсона о пропаганде в открытках времен русско-японской войны.

Важными для диссертанта стали работы А.А.Речкаловой, Я.Татсуро по родовым эмблемам. В контексте проведенного исследования особенно значимы труды А.Н. Мещерякова, в первую очередь, его книга «Император Мэйдзи и его Япония» (2009) с подробным изложением важнейших событий всего периода. Необходимыми для работы над диссертацией явились работы М. Вакита, А.Ю. Ценг, Т.Намба, М.Номура, Т.Норио о визуальной культуре Японии начала XX века.

Объектом исследования выступают почтовые открытки конца правления Мэйдзи в контексте публичной коммуникации.

Предметом исследования стала репрезентация визуальных образов власти на японских политических открытках.

Цель исследования - выявить особенности конструирования и репрезентации образов власти на японских почтовых открытках конца периода Мэйдзи.

Для ее достижения были поставлены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть исследовательские подходы к изучению открыток, релевантные для данного исследования.
2. Определить специфику образа в контексте визуального поворота.
3. Составить типологию образов на политических открытках изучаемого периода.
4. Выявить специфику репрезентации власти, выраженную в портрете императора.
5. Установить особенности конструирования мужских образов на политических открытках эпохи Мэйдзи.
6. Проанализировать способы визуализации власти через женские образы в открытках.
7. Определить особенности визуального образа власти через детские образы.
8. Определить специфику образов государственной символики в открытках.

Хронологические рамки диссертации – 1901–1912 гг. В это время получают особое распространение политические открытки, а также открытки с мемориальной тематикой. Последние во многом связаны с непростой военно-политической ситуацией в Восточной Азии.

Источники

В результате сбора материала было отобрано более 150 единиц японской печатной продукции эпохи Мэйдзи (прежде всего – открыток). Большинство из них хранится в наиболее значимых для нас собраниях музеев и библиотек мира, в том числе, в России. Диссертантом рассматриваются репрезентативные открытки, в которых явно считывается политический контекст. Почтовым открыткам длительное время не уделялось отдельное внимание, поэтому они не попадали в музеи или коллекции формировались стихийно. В статьях исследователей и сотрудников архивов сообщается, что путешественники приезжали в Японию, покупали открытки на свой вкус, и

со временем сдавали в музеи. Поэтому многие современные коллекции фрагментарны. Большой архив открыток периода русско-японской войны (1904-1905) из Бостонского музея изящных искусств представлен на сайте Массачусетского технологического института. Помимо образов, связанных с армией, здесь представлены открытки с женскими и детскими образами, государственной символикой. Важным для исследования стал Музей открыток в Кобэ, представляющий обширную коллекцию японских открыток XX века.

Вторую группу источников составили гравюры из фондов Государственного Эрмитажа, ГМИИ им. А.С. Пушкина и The Metropolitan Museum of Art. Диссертантом отобраны гравюры известных авторов периода Тоёхара Тиканобу, Кобаяси Киётика и др. Их работы публиковались в качестве иллюстраций в прессе и на открытках. Гравюры представляют правителя и его окружение во время разных общественно-политических событий и конструируют образы элиты.

Третьей группой источников стали фотографии, литографии и ксилографии. Это изображения известных людей эпохи, иностранных правителей и событий внутри страны. Они необходимы для сравнения с иллюстрациями открыток.

Четвертая группа – это словари, каталоги, справочники. Они необходимы для теоретической и практической части исследования.

Пятая группа источников – сайты в сети Интернет. Частные собрания открыток в них стали важными для исследования из-за наличия в них уникальных открыток и надписей на них.

Методы работы с источниками

При работе с источниками диссертант опирается на методологию Дж. Баше в исследовании иконографии, позволяющий разделить образы в

открытках на темы и гипертемы. Это было важно при создании типологии японских открыток: с антропоморфными персонажами, с государственной символикой, и более дробные. Значимым для нас также является семиотический подход, позволяющий выявить особенности визуального языка открытки, с опорой на концепции Р. Барта и Ю. Лотмана.

Для исследования важна также концепция С. Холла, которая показывает особенности кодирования/декодирования образа в процессе коммуникации, что в итоге раскрывает в последнем несколько смысловых уровней. Данный подход к коммуникации позволяет рассматривать все официальные и неофициальные изображения на открытках в едином ключе. Учитываются особенности цитирования визуальных образов, внутренней семиотической неоднородности при явном стремлении репрезентировать образы в согласии с государственными идеями, а также коммуникативное пространство, задаваемое прессой.

Теоретико-методологические основы исследования

Постановка автором исследовательской цели и задач во многом связана с феноменом провозглашенного в 1990-е гг. визуального поворота, представившего образ сложным конструктом, тесно связанным с его репрезентацией.

Для диссертации полезен также подход А.С. Медякова к открытке как объекту индивидуальной и публичной коммуникации из-за особенностей её бытования в культуре. Издание тиражами позволяет относить открытку к средствам массовой коммуникации, что делает её уникальным явлением.

Теоретические позиции, связанные с анализом японской культуры, были сформированы с опорой на труды А.Н. Мещерякова, а также на монографии по истории и искусству Японии начала XX века – такие, как, к примеру, труд японского историка Т. Фудзитани, посвященный визуальной культуре периода Мэйдзи.

Научная новизна исследования

В диссертации впервые в российской науке представлено комплексное и объемное исследование визуальных образов в японской политической открытке конца эпохи Мэйдзи. Диссертант вводит в научный оборот 128 уникальных открыток из разных собраний, предлагает свою классификацию образов на них. На японском материале продемонстрированы приемы визуализации власти через образы в тиражной продукции. Почтовая открытка рассматривается как инструмент укрепления обновленной политической власти и способ визуализации основных направлений правительственных реформ. В исследовании продемонстрированы приемы конструирования и репрезентации властных отношений через образы мужчин, женщин, детей и государственную символику. Выявлены способы репрезентации государственной символики и уточнены их знаковые функции.

Научно-практическая значимость работы

Научно-практическая значимость диссертации заключается в освещении малоизученных проблем культуры и идеологии, связанных с развитием публичной коммуникации в обществе Японии конца нового времени. Результаты исследования позволяют по-новому взглянуть на японскую открытку как на важное явление в этой сфере. В диссертации уделяется внимание трансформации японской геральдической системы, основанной на старых клановых эмблемах «ка-мон». Материалы работы могут быть полезны при подготовке учебных курсов и научных трудов по современной истории и культуре Дальнего Востока, организации выставок.

Положения, выносимые на защиту

– Образы власти рассматриваются в контексте публичной коммуникации. Иллюстрированная открытка конца правления Мэйдзи

становится их проводником, максимально тиражируя их и создавая эффект присутствия.

– Репрезентация власти на японских открытках происходила через сложившийся набор образов в течение всего периода Мэйдзи. Изображение императора и высшей политической элиты, женские, мужские, детские образы и государственной символики регулярно воспроизводятся в контексте милитаристской культуры.

– Знаки отличия в армии, личная печать, флаги использовались как самостоятельные образы, заменяя иногда изображения императора и членов правительства.

– На открытках с не персонифицированными образами женщин, детьми и мужчинами демонстрировалось желаемое и одобряемое поведение для граждан страны через акцентирование эмоций и форм поведения.

– Стилиевые приемы репрезентации на открытках позволяли совмещать официальные портреты и знаки власти в единую композицию, удваивая их, в том числе из-за присутствия печатей и марок с государственными эмблемами. Совмещение в одной иллюстрации нескольких картинок позволяло выстроить смысловой ряд и задать необходимый вектор восприятия изображения.

Апробация диссертационной работы. Материалы и результаты данного исследования были представлены в докладах на следующих научных и научно-практических конференциях:

1. 26–й конференции История и культура Японии (февраль 2024 г., НИУ ВШЭ),
2. 25–й конференции История и культура Японии (февраль 2023 г., НИУ ВШЭ),

3. 21–й конференции История и культура Японии (февраль 2019 г., НИУ ВШЭ),
4. Этно–социокультурные процессы в странах Азии и Африки: проблема идентичности, (октябрь 2020 г., ИСАА МГУ)
5. Философская и эстетическая мысль стран Востока: основные концепции и проблемы интерпретации (март 2019 г., РГГУ),
6. Гуманитарные чтения (март 2018 г., РГГУ.).
7. Основные положения обсуждались на заседаниях кафедр РГГУ «Русская антропологическая школа» (2017 г.) и «Истории и теории культуры».

Работа соответствует **паспорту научной специальности 5.10.1. «Теория и история культуры, искусства»** по направлениям: 9 - «Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. Традиции и инновации в истории культуры», 20 – «Компоненты культуры (мифология, религия, искусство, образование, просвещение, наука, мораль и др.», 38 – «Культура и коммуникация. Межкультурные коммуникации».

Структура работы

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, а также приложения в виде значимого иллюстрированного материала (почтовые открытки и марки).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** аргументируются актуальность изучения визуальных образов власти на японских открытках и явно недостаточная изученность заявленной темы. Сформулированы объект, предмет, цель, задачи,

обозначены теоретико-методологические основы исследования, круг используемых источников и его специфика, характеризуется апробация результатов, сформулированы новизна работы, научно-практическая значимость ее результатов, представлены основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава - «Открытие и визуальные образы в гуманитарном познании» - посвящена теоретическим основам данного исследования. Рассматриваются подходы разных авторов к классификации открытия, её видовой принадлежности. Другим аспектом являются особенности визуальных образов как проблемы гуманитарного познания.

В параграфе 1.1. «Подходы к исследованиям визуального образа» рассматриваются возможности применения концепции «визуального поворота» и подхода к определению образа У. Митчела. Он утверждает, что образом может стать все, что мы видим. В современных работах образ раскрывается как носитель многослойной информации; для его считывания необходимо понимание контекста времени, без которого он не может быть «прочитан». Далее анализируются подходы к образу власти как к двойственному, репрезентирующему сами властные отношения и ожидаемую реакцию на них. Рассматривается значимость для нашей темы теории репрезентации С. Холла, как процесса кодирования/декодирования сообщения в рамках культурной коммуникации.

В параграфе 1.2 «Исследования открытия в контексте культуры» рассматриваются наиболее значимые для нашей темы исследовательские подходы к изучению открыток. Среди наиболее важных выделен подход О.В. Шабуровой, акцентирующий необходимость комплексного исследования иллюстрации, текста и функций. Нами, далее, выделено исследование Е.В. Сальникова и И.Н. Сальниковой, представляющих открытие в рамках антропологических исследований. Мы также обращаемся к монографии А.С. Медякова, в которой отмечается важность иллюстрированной открытки для

пропаганды и агитации в начале XX века. В этом же параграфе отмечаются особенности архивного хранения открыток и важность виртуальных архивов для исследователей.

В заключении первой главы говорится о подходах к образу как многосложному явлению и отмечаются трудности изучения и типологизации открытки. Исследовательские подходы заметно разнятся, многие авторы дают собственные классификации, а также полностью или частично используют принятые в филокартии. Почтовая открытка сочетает в себе черты массового медиа и персонального медиума, что открывает широкое поле исследований для культурологии и смежных дисциплин.

Во второй главе - «Печатная продукция в контексте милитаризации культуры конца XIX – начала XX вв.» - рассматривается культурный контекст конца правления Мэйдзи и способы коммуникации власти и общества.

В параграфе 2.1. «Милитаризация культуры Японии периода Мэйдзи» анализируются культурные преобразования, инициированные правительством. Целенаправленные реформы в области армии и образования подготавливали население страны к постоянным военным действиям. В эпоху Мэйдзи была предпринята попытка утвердить реформированный синтоизм как государственную религию и сделать её основой официальной идеологии. В рассматриваемый период были актуализированы некоторые элементы культуры феодального периода: например, родовая эмблема хризантемы впервые стала узаконенным государственным символом. Идея служения сюзерену сместилась на служение императору, стране, обществу.

Художники стали певцами от бумаги периода Мэйдзи и внесли существенный вклад в формирование представлений о визуализации образов руководства страны; последнее было особенно важно для населения за пределами столицы. В их работах регулярно и красочно изображались

император со всеми знаками власти (медали, шпага, мундир, головной убор) и его свита.

В параграфе **2.2. «Власть в контексте публичной коммуникации»** рассматриваются коммуникация власти и общества при помощи прессы. Газеты и журналы стали главным средством общения власти с населением страны. Официальные издания транслировали идеи правительства, некоторые крупные частные издания их поддерживали. В них публиковались рисованные иллюстрации к статьям, позже иногда переносимые на открытки.

В заключении второй главы продемонстрировано, как милитаризация культуры влияла на прессу, определяя тем самым конструирование письменных и визуальных образов власти. Изображения на открытках полностью или частично цитировали газетные иллюстрации или опирались на них, визуально представляя элиту государства. Через них представители высшего руководства становились ближе к населению страны, и многие люди получали возможность представить их облик, который никогда ранее не могли видеть.

В третьей главе - **«Антропоморфные образы на почтовых открытках конца периода Мэйдзи»** - изучаются и типологизируются открытки с изображением антропоморфных персонажей. В главе представлены различия мужских, женских и детских образов. Здесь также показано, что визуализация императорской семьи на гравюрах и в газетных иллюстрациях во многом способствовала появлению новых образов элиты в японском искусстве и использованию их на открытках. Это, в свою очередь, повлекло за собой изменения в конструировании образов подданных.

В параграфе **3.1. «Портрет императора как центральный образ на политических открытках»** проанализировано, как на открытках цитировались два официальных портрета императора – в молодом и зрелом возрасте. Важным дополнением на императорских портретах оказалось

использование декоративных элементов (виньеток, узоров, реалистичных цветов), что позволяло раздвигать узкие рамки официального портрета, приближать правителя к зрителю. Здесь же прослежена специфическая связь изображения Мэйдзи и фотографий других людей или объектов рядом с ним. Так, портреты членов семьи свидетельствовали о продолжении династии, что могло означать стабильность в государстве и преемственность власти.

В параграфе 3.2. «Мужские образы на политических и событийных открытках» выявляется, что такие образы, в первую очередь, связаны с армией (военные действия, служба на флоте, маневры, парады), хотя иногда встречаются образы мужчин и в других социальных ролях: отца, разносчика газет, посетителя парада или праздника. Показано, что во всех случаях акцент смещается в сторону армии: отец играет с ребенком в военной форме, газетчик бежит с новостями о победе в войне, счастливые зрители радуются военному параду и т.п. В изображении воинов на открытках периода русско-японской войны стали значимыми образы врага. Экспрессивность и преувеличенность эмоций фиксируется у обеих сторон конфликта, однако японские солдаты испытывают положительные эмоции (смелость, решимость, ярость), тогда как у противника преобладают отрицательные (трусость, страх, уныние).

В японской открытке были переосмыслены многие приемы оформления портретов правителей и известных лиц, массово применявшиеся в Европе и США. Это групповые или двойные портреты, рисунок с правителем в ходе важных событий, использование виньеток, декоративных элементов, совмещение фотографии и рисунка.

В параграфе 3.3. «Образы женщин в контексте милитаризации культуры Японии» подробно рассматривается центральный женский образ императрицы. Ранее женские образы в основном были представлены портретами молодых девушек, так называемых «биджин». Появление

портретов знатных дам вводит новый круг тем в сюжеты изучаемых изображений.

На открытках «обычная» женщина представала как помощница мужчины на войне и надежный тыл дома. Показательно, что значимыми становятся образы медсестер, особенно в период русско-японской войны. Эти образы должны были гуманизировать травматичную тему, продемонстрировать корректное отношение к военнопленным, воспроизвести разнообразные стороны быта в госпиталях. Рисованные и фотографические портреты представлялись в окружении цветов или декоративных элементов, что связывало открытки с постановочными снимками «биджин». В параграфе также продемонстрировано, что образы девочек связывались с более «мирными» политическими событиями, чем образы мальчиков.

Проявление властных отношений через тему детства исследуется в **параграфе 3.4. «Репрезентация детских образов на политических и событийных открытках»**. Мальчики представали перед зрителем как будущие воины. Их рисовали одетыми в школьную форму, скроенную по военному образцу, или в военной фуражке. На иллюстрациях к открыткам, выпущенным в период и после русско-японской войны, дети играли «в войну», изображая офицера и солдат. Интересен пример открытки, изданной в самом начале 1900 г. с образом играющего с отцом ребенка, но с элементами европейской спортивности и военной символики. После войны издавались памятные открытки, где изображены скорбящие мальчик и мать на фоне фотографии известного храма Ясукуни. Так правительство открыто демонстрировало солидарность с гражданами в трауре.

В выводах к третьей главе обращается внимание на репрезентацию телесности представителей власти, представленных в спокойной решимости, строгими и властными. Так, в портретах Мэйдзи и адмирала Того Хэйхатиро сохранялась индивидуальность, тогда как изображения безымянных

офицеров и солдат представлялись обобщенно. Этот же подход использовался при визуализации женских и детских образов.

В четвертой главе «Репрезентация государственных символов на почтовых открытках» анализируются основные флаги, а также хризантема с шестнадцатью лепестками и награды (медали и ордена). Государственная узаконенная символика появляется в стране впервые, она выстраивается на существовавшей в феодальное время системе родовых эмблем (мон), но их использование значительно сужается. Государственная символика становится постоянным элементом политических открыток, расширяя тем самым представление власти.

В параграфе 4.1. «Способы репрезентации государственных флагов» рассмотрена репрезентация двух государственных флагов - национального и флага ВМФ. Флаги накладываются на очертания Японии, превращаясь таким образом в маркер пространства. Флаги могли использоваться как подложка под фото, занимая всю иллюстративную поверхность открытки или её часть. В большинстве случаев флаг – часть сложной композиции. Во многих рисованных сценках мужчины, женщины и дети держат в руках маленькие флажки. Национальный или военный флаг задает политический контекст образу, иногда становится единственным элементом, репрезентирующим идею власти.

В параграфе 4.2. «Печать императора как ключевая эмблема страны» уделяется внимание печати в виде хризантемы как образу власти, раскрываются значения этой эмблемы в виде цветка с шестнадцатью лепестками. Цветок хризантемы, как правило, размещается возле портрета императора иногда как его личный знак, а иногда как символический элемент, обозначающий присутствие императора, как, к примеру, на памятных открытках различных смотров после личного посещения их императором Мэйдзи. Постоянное повторение эмблемы закрепляло ее восприятие как символа государственной власти.

Ордена и медали рассматриваются в параграфе **4.3. «Репрезентация государственных наград на открытках»**. Награды, как показано, редко выделялись как самостоятельный образ, но всегда были подчеркнуты цветом и обозначались на рисованных открытках как обязательная часть военного мундира. Награды означали служение государству, указывали на конкретные действия их носителя в положительном ключе. На рисованных иллюстрациях, представлявших военные действия, они в обязательном порядке изображались на мундирах, что отражало привычное восприятие официальных портретов политических деятелей и военачальников. Примером здесь могут служить открытки с адмиралом Того.

В выводах к четвертой главе отмечается, что включение государственных символов подчеркивало статус персоны или важность ее деяний как приносящих пользу Японии. Присутствие двух флагов – государственного и военно-морского – призвано было обозначить милитаристскую политику страны и подчеркнуть национальную идентичность.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги и излагаются основные выводы данного исследования.

Иллюстрированная почтовая открытка стала новым медиа для Японии. Она появилась в стране как часть многочисленных заимствованных новшеств периода Мэйдзи, быстро вошла в повседневные практики и стала важной частью коммуникации в обществе. Вместе с газетами и журналами она оказалась вписанной в контекст японской культуры, способствуя тем самым укреплению государства.

Среди разных видов почтовых открыток большую роль играли открытки политические. Образы, которые в диссертации были определены как политические, созданы в определенной системе координат японской культуры начала XX века. Они конструировались властью как направление в

визуальной пропаганде через обращение к определенным сюжетам и композиционным приемам.

Фигура императора Мэйдзи размещалась рядом с образами синтоистских храмов и рисованными изображениями деятелей современности и прошлого. Выявленная в диссертации система художественных приемов формировала память о прошлом, акцентировала внимание на твердости государственной политики и незыблемости личной власти императора.

В диссертации была прослежена связь визуальных образов на открытках с гравюрами и газетными иллюстрациями. Сформированные в последних образы переходили на открытки, обретая во многом самостоятельность из-за использования специализированных приемов иллюстрации и особенностей открытки (небольшой размер, подпись под иллюстрацией, место для сообщения и штампа).

Сюжеты с антропоморфными образами формировали лояльное отношение к деятельности правительства. Социальные и гендерные роли персонажей редуцировались, изображенные люди превращались в верных подданных государя. Мужчины представляли в образе служащих, прежде всего, военных, как участники боевых действий, офицеры на параде или же солдаты, вернувшиеся домой. Женщины изображались как жены военных, матери их детей, или как важные помощницы в тылу в качестве медсестер. Дети играли в солдат, подчеркивая, что займут место своих отцов. Образ детей прочно связывался с будущим процветанием страны. В ряде случаев детские и женские образы использовались для представления дружеских отношений с другими странами, как в открытках Англо-Японского альянса. Женские и детские образы смягчали милитаристскую направленность изображений, придавали им жизненную достоверность. Они отсылали к семье как важной части японской культурной традиции, остававшейся еще во многом традиционной.

Антропоморфный образ иногда заменялся изображением мифологических персонажей, как это случалось в новогодних открытках, где вместо военнотружущего рисовался символ года, например, кабан, в военной форме.

Сюжеты иллюстраций визуализировали конкретные примеры проявления чести, смелости, терпения во славу правителя и государства. Участие в торжествах по поводу политического события, служение в армии, письма на фронт, детские игры в солдат преподносились не просто как положительные, но как необходимые для страны действия.

Государственные символы на открытках напрямую задавали иллюстрации политическую окраску. Национальный и военные флаги, эмблема в виде хризантемы, различные награды маркировали Японию как страну или указывали на принадлежность человека к нации. Все это закрепляло новую государственную символику в сознании широких слоев населения.

Постоянное представление портретов императора и его окружения, а также государственной символики было призвано постоянно напоминать о присутствии как правителя, так и государственных идей в жизни подданных.

Образы власти в открытках Японии были связаны с культурной памятью и построением национальной идентичности вплоть до середины XX века. Это свидетельствует об их востребованности в контексте новой японской культуры.

Диссертация имеет **приложение**, в которое вошли японские открытки и марки изучаемого времени. Они иллюстрируют изученные в диссертации символические приемы и художественные особенности репрезентации образов власти в Японии конца периода Мэйдзи.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК Минобрнауки РФ:

1. Бочарова М.Ю. Государственные символы на японских открытках периода Мэйдзи // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2021. – № 9. – С. 10–24.
2. Бочарова М.Ю. Визуальные государственные символы Японии периода Мэйдзи как метки статуса // Человек и культура. – 2021. – № 9. – С. 73–90.
3. Бочарова М.Ю. Мифологические мотивы в визуальном оформлении орденов и медалей периода Мэйдзи в Японии // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 4. – С. 73–90.

Публикации в других изданиях

1. Бочарова М.Ю. Репрезентация женских образов в японских политических открытках конца XIX – начала XX вв. // История и культура Японии. - 2023. - Вып. 15. – С. 373–380 .
2. Бочарова М.Ю. Дети играют в войну: репрезентация детских образов на японских политических открытках 1900-х годов // История и культура Японии. - 2025. - Вып. 18. – С. 331–337.